

Во всех отделениях связи началась подписка на 2-е полугодие 2014 года!
Подписной индекс в каталоге «Почта России» – 54713.

СТИХИ В НОМЕР

Николай СЕДОВ

МАЙДАН

На майдан! коло церкви
Революція іде.
– Хай чабан, – усі гукнули,
За атамана буде...

Украинский поэт
Павло ТЫЧИНА

1.
На майдане возле церкви
Рубят сердце...
Делят сердце
Заблудившихся славян.
– Гей! – грохочет атаман,
– Москалів скоріш ловите –
В землю, в землю
всіх зарити!
От тоді ми на віки
Будем з ними земляки.
– Москаляку – на гіляку! –
Вторят банди,
лезут в драку.
Власти нет. Бог далеко.
Революція! Раско-о-ол!
Храма дрогнули кресты,
Будто вновь пришёл
Батый,
Только с именем Бандера:
Новой эре – злая вера.
Разгорается, как пал,
Олигархов «карнавал» –
С сатаной маски блудят,
А в огне сгорают люди,
И грохочет адский бой.
2.
Выстрел в спину.
Взрыв «коктейля».
Прямо в очи шило целит.
Пытки и живой костёр...
Где ты Кий?
И где ты Хор?***
Где вы, мудрые князья?
Здесь свои своих казнят.
3.
В Киево-Печерской лавре
Стонут мощи
православных,
Богом избранных святых.
Муромец Илья посты
Проверяет в небесах
И с молитвой на устах
К миру всех славян взывает,
У кого душа живая.
А майдановцы в ответ:
– Что ты раскричался,
дед?
Ты по вере есть – москаль.
На колени, старый враль!
Господи! Спаси незрячих.
Лавра плачет...
Небо плачет...
У Владимирской Горы
Инквизиции костры.

* «Русского на сук»

** Кий, Хорив (Хор) – основатели
Киева

РЕПЛИКА ПО ПОВОДУ

ПАНАЦЕЯ ОТ БЕЗДУШИЯ

По итогам первого Российского литературного собрания, прошедшего в конце ноября ушедшего года, президент России В. В. Путин подписал несколько симптоматичных поручений правительству. В их перечне – организация Фонда поддержки литературы и других видов государственного финансирования этой творческой отрасли...

«Наконец-то!..» – с надеждой вздохнули писатели России и стали ждать, как писал когда-то Валентин Пикуль, когда же Слово перерастет в Дело. Пока этот желанный и востребованный жизнью переход из одного качества в другое – увыл! – не случился. Что и подвигает к этим рассуждениям вслух...

Да, литература – не справочник с рецептами на каждый житейский случай, но целительная её роль во врачевании души и поступка человека чрезвычайно велика. С этой аксиомой даже смертельно раненный скептицизмом полемист спорить не станет. Ведь в отличие от, например, этического воспитания, основанного только на убеждении в правильности и необходимости определенных норм общественного поведения, литература (если это, конечно,

настоящая литература!) исползует и подражание, возбуждая желание следовать вызывающим восхищение образцам, и заражение – через накал чувств и страстей, создающих особый эмоциональный заряд...

Вот об этом – к сожалению великому! – стали забывать те, кто, с одной стороны, ответственен за воспитание государственной идеологии в обществе (что, не нравится термин, господа плюралисты?..); а с другой, грубально нивелировал писательское сообщество в правах с общественной организацией кружка по вышиванию крестиком.

Здесь важно провести, кстати, и еще одну грань: настоящая литература должна удовлетворять вкусам читательской аудитории, но не потакать им... И тут тоже без государственной поддержки

не обойтись. Вспоминается случай, когда в наш Союз писателей поступили для рекомендации в издании две рукописи. Одна – сборник рассказов, коллизии которых были вкусной попыткой разобраться в извечной проблеме «что человек для общества и общество для человека». Другая – криминальный роман с громыхающим названием «Суки. Падлы. Сволочи». Когда я автору ненавязчиво намекнул, что в его романе «не все в порядке», он предположил: «Название не устраивает? Хорошо, уберем «Падлы»...». Когда же выяснил, что не только в названии дело, осерчал: «Ладно, если так, без всяких рекомендаций ваших издам, за свои деньги!..». И издал. А вот сборник нравственно чистых и неплохо скроенных рассказов так и не увидел свет. Потому что

у автора не было ни своих денег на это, ни поддержки госструктур.

Ну, и ещё одну историю впридачу. Как-то И. Ф. Варавва мне рассказал о своем визите в «высокий кабинет» за помощью в издании сборника стихов. Чиновник его внимательно выслушал (все-таки Варавва! Начинаящего литературного щегла и на порог бы, пожалуй, не пустил!), а потом говорит: «Да что вы, Иван Федорович, со своими стихами так не во время!.. Сейчас светильники на площади менять надо, а вы мне – стихи издать помогите!..».

Но тут ведь вот какая завыска... Еще неизвестно, чей свет людьми более востребован – новых уличных фонарей или западающих в душу стихов Вараввы...

Георгий СОЛОВЬЕВ

ПАНОРАМА

Обсуждение инициатив Президента

В Краснодаре в краевом Центре национальных культур Краснодарское краевое отделение Союза писателей России совместно с Краснодарским местным отделением Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» провели заседание круглого стола на тему «Ответственность современных литераторов перед собой, обществом и законом. Статус писателя в XXI веке».

К участию были приглашены писатели, депутаты городской Думы Краснодара и Законодательного собрания края, студенты краснодарских вузов, активисты партии. Участники дискуссии обсудили инициативы Президента на встрече с писателями в ноябре 2013 года. Итоги встречи Владимира Путина с писателями озвучила председатель Краснодарского краевого отделения Союза писателей России С. Н. Макарова. Напомним, встреча проходила 21 ноября 2013 года в Российском университете дружбы народов. Обсуждаемые темы: падение интереса к книге, привлечение внимания общества к отечественной литературе, положение литературы в школе, исчезновение литературных кружков.

Также участники круглого стола обсудили роль литературы в обществе и социальную роль творчества писателей. Определили статус писателя в стране, регионе, крае. Дискуссия проходила в свободной форме, высказать свою точку зрения мог каждый участник круглого стола.

Представив гостей, руководитель исполкома партии Галина Владимировна Глушенко отметила, что русский язык и русская литература – основа русского мира, литература всегда ставит самый прочный, самый точный диагноз состоянию общества и обозначает его болевые точки.

Член Генерального совета партии «Единая Россия» Сергей Сергеевич Веремеев обозначил особую роль государственной идеологии в формировании морально-нравственных ценностей и патриотизма у молодого поколения. По мнению Веремеева, России нужна выстроенная система воспитания, четкие ориентиры для общества, и писатели должны стать активными участниками формирования новых идей, способных объединить граждан. «На данный момент Конституция России запрещает создание государственной идеологии, но с учетом событий, происходящих в мире, а также особого внимания Президента РФ к теме патриотизма, этот вопрос может разрешиться», – отметил Сергей Веремеев.

Декан факультета журналистики Кубанского государственного университета Надежда Павловна Кравченко оценила реформы в образовании последнего времени ёмким словом «вредительство», потому что выпускники школ не получают нужного объема знаний. В этом утверждении её горячо поддержал Эрик Каренович Арутюнов, председатель Совета молодых ученых и специалистов Краснодарского местного отделения партии, координатор либеральной платформы: «Нынешние студенты крайне косноязычны и безграмотны. Жизненно важно учить детей русскому языку и культуре речи».

Член Союза писателей России, социолог Юрий Аюбович Хагуров, оценивая происходящее сегодня, заявил, что мы возвращаемся к своей идентичности, и пожелал «Единой России» не повторять опыт коммунистов, когда партия власти слилась с властью, и страна была разрушена. «Должен оставаться некий зазор», – отметил писатель, – чтобы можно

было отслеживать ошибки и предупреждать неверные решения». Эмоционально прозвучали и его слова о нынешнем офисе кубанских писателей, расположенном на самой окраине города, из окон которого, по словам Юрия Аюбовича, видно Адыгею.

Литературный критик, профессор КГУ Юрий Михайлович Павлов обратил внимание собравшихся на качество выпускаемых книг, на тех авторов, кого популяризируют сегодня наши СМИ. Именно эти фамилии фигурируют в подписантах «Ответа русского Пен-Центра на обращение украинских коллег», которые поддержали Майдан.

Рыбалко Иван Афанасьевич, депутат Законодательного собрания края, координатор партийного проекта «Историческая память» в Краснодаре, координатор патриотической платформы, отметил необходимость создания площадки для диалога писателей и талантливейшей молодежи. «Подрастающему поколению не хватает чувства патриотизма, оно есть где-то в подсознании, и мы должны развивать его путём идеологии. Государство без идеологии – путь в никуда», – вновь подчеркнул он.

Серьёзный разговор за круглым столом закончился рядом конструктивных предложений. В том числе созданием литературной гостиной Кубани, организацией молодёжных литературных чтений и конкурсов, активными выступлениями писателей в библиотеках и учебных заведениях, созданием движения деятелей культуры Кубани за сохранение культурно-нравственных ценностей и развитие традиций.

Было также принято решение о продолжении встреч писателей и политиков.

СОБИНФО

Образование на Кубани со времени переселения казаков до 1917 года

(Окончание. Начало в №3, 2014 г.)

Вторая половина XIX века стала новым этапом жизни казачества Кубани. В ноябре 1860 года Александр II подписывает Указ о создании новой административной единицы Российской империи – Кубанской области. В ее состав вошли земли Черноморского казачества и шести бригад Кавказского линейного казачьего войска, а также Закубанье. Из казаков Черноморского войска и 6 бригад пешего батальона, двух конных батарей Кавказского линейного войска было учреждено единое Кубанское казачье войско.

Эти годы отмечены событиями, которые положительно повлияли на состояние дела народного просвещения. В этот период встал вопрос не только о расширении народной школы, но и всеобщем начальном образовании. В 1864 году царское правительство утверждает «Положение о начальных народных училищах», в котором определена их главная цель: «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные сведения».

Окончание Кавказской войны, начало активного хозяйственного освоения края и развивающиеся новые капиталистические отношения поставили вопрос о необходимости введения всеобщего обязательного начального образования. Стало ясно, что просвещение народа необходимо для улучшения экономического состояния Кубанской области.

В приказе по Кубанскому войску от 14 августа 1867 года отмечалось, что из доклада и ведомости школ Кубанского казачьего войска видно, что дело народного образования вышло, наконец, из того заколдованного круга невежества и упорства, в котором оно держалось... В приказе поставлены «на вид» те из начальников, у которых еще не открыты станичные народные школы, обращено внимание на то, чтобы к новому учебному году во всех станицах Войска были открыты школы. К этому времени было открыто первое женское учебное заведение – Мариинское женское училище.

Чтобы поднять интерес населения к образованию, наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-адъютант граф Ф. Н. Сумароков-Эльстон 19 апреля 1868 года издал циркуляр о приглашении станичных обществ, духовенства, окружных начальников, бригадных и полковых командиров принять участие в открытии школ в станицах.

Только с середины 70-х годов XIX века на Кубани начинается строительство нормальных, типовых, школьных зданий, в которые входило две классных комнаты, одна на 60 человек, другая на 24, и квартира учителя с той целью, чтобы всегда находился при школе и в любое время мог бы дать консультацию ученику. Директор народных училищ Кубанской области в своем рапорте от 6.03.1866 года на имя атамана Кубанского казачьего войска ставит вопрос об открытии в регионе Кубанской учительской семинарии. В заключение рапорта отмечалось, что «для успешного распространения грамотности в народе было бы желательно, чтобы первоначальным обучением в школах занимались люди, исключительно посвятившие себя учительским трудам». Для этой цели предлагалось учредить учительскую семинарию.

В декабре 1868 года проект учительской семинарии был Высочайше утвержден Александром II. Открыли ее 14 января 1872 года в станице Полтавской. Первым директором назначен надворный советник Е. Марков, а заместителем Д. Семенов, впоследствии долгие годы занимавший пост руководителя этого учебного заведения, выпускники которого с гордостью называли себя «семеновцами». В течение первого полугодия семинария находилась в станице Полтавской, но в сентябре 1872 года ее

перевели в более пригодные помещения, в станицу Ладожскую. Учебный план семинарии включал в себя теоретическую часть, которая состояла из курсов истории, литературы, математики и практической части, где давались навыки в ремеслах, имеющих практическое значение.

Педагогическая практика в семинарии включала три части. Сначала учащиеся знакомились со школой и классом по месту практики, затем отрабатывались пробные уроки с последующим стажированием. Общие итоги подводились на конференции участников практики. Большое внимание уделялось развитию музыкального образования. Воспитанники имели возможность играть на фортепиано, скрипке, имелся набор духовых и народных инструментов. Их учили писать рефераты, статьи для учительского журнала и для ежегодника учительской семинарии, для издания которого было дано разрешение начальника Кубанского казачьего войска.

Семинария имела свою библиотеку с книгами по истории, географии, сельскому хозяйству, математике, педагогике, богословию, а также газеты и журналы. Среди наглядных пособий, используемых в учебном процессе, имелись карты и атласы, модели человека, животных, атласы, микроскопы, земледельческие орудия, различные минералы, модель локомотива, электрическая машина.

Интересна методика, по которой ее воспитанников отучали от привычки механического заучивания: было решено не давать первому и второму курсам учебников в течение года (к занятиям они готовились по программам, выработанным в классе); пользоваться книгами они могли только при подготовке к экзаменам. Слушатели третьего курса, наоборот, по учебникам готовились к занятиям, а в классе проходил лишь опрос и разъяснение.

С введением в строй Кубанской учительской семинарии дело подготовки педагогов для начальной школы Кубани шагнуло далеко вперед. Однако к концу XIX века стало ясно, что одна Кубанская учительская семинария не в состоянии обеспечить педагогическими кадрами Кубанское казачье войско, и с 4 июля 1909 года в Екатеринодаре была открыта женская учительская семинария. В числе первого набора находилось 13 казачек и 17 иногородних.

С 70-х годов XIX века в больших и богатых станицах стали открываться двухклассные училища с пятилетним курсом обучения, а в отдельных станицах – гимназии и прогимназии. В одноклассных училищах изучались: Закон Божий, русский язык с чистописанием, арифметика и церковное пение. В двухклассных училищах к этим предметам добавлялись: история, география, естествознание. Начальное обучение обязательно включало в себя элемент трудового воспитания. Подавляющее большинство школ имело сады и огороды, где трудились учащиеся. Кроме того, девочки занимались рукоделием, а мальчики осваивали плотницкое ремесло, плели корзины, сети.

Одним из центров культуры на Кубани стало Александровское реальное училище, объединившее людей разных поколений и способствующее дальнейшему распространению грамотности. Торжественное открытие училища состоялось 2 октября 1880 года в Екатеринодаре. Вскоре после открытия Кубанское Александровское реальное училище (КАРУ) стало лучшим среди средних заведений Кавказского учебного округа. На содержание училища и пансиона ежегодно расходовалось около 40 тысяч рублей. Это позволило иметь квалифицированных преподавателей, получивших образование в Петербургском, Московском, Харьковском университетах, Строгановском рисовальном училище и других. С 1891 года при училище действует метеорологическая станция, бюллетени со сводками погоды

постоянно печатаются в газетах Кубани. Действовали также курсы по черчению и рисованию для взрослых, детский горный клуб, изучающий богатства края. В связи с открытием в 1911 году в Екатеринодаре второго реального училища для детей всех сословий, содержание училища целиком перешло на средства Кубанского казачьего войска. За первые десять с небольшим лет, прошедших с начала послереформенного этапа развития народного образования в Кубанском казачьем войске, становится очевидным, что система просвещения на Кубани приобретает уже довольно стройные очертания.

Чтобы привлечь внимание населения к школе, их попечители стали проводить вечера и праздники, детские утренники, на которые приглашались и родители. Все чаще можно было услышать о том, что в станицах выписываются газеты и журналы. В Ейском уезде например, выписывались «Семья и школа», «Народная школа», «Историческая библиотека» и другие. А за успехи учеников нередко награждали книгами русских писателей и поэтов.

Уменьшилось число пропусков занятий. Многие учителя пользовались доверием и уважением, благодаря внимательному и честному отношению к своим обязанностям. К ним нередко обращались за советом и с просьбами дать книги из учительской библиотеки. В приказах по Кубанскому казачьему войску можно было часто увидеть строки о награждении и поощрении учителей «За усердие на пользу распространения грамотности». Подводя итоги и некоторые результаты народного просвещения за 1895 год, газета «Кубанские областные ведомости» писала: «... общее оживление русской жизни 60-х годов не прошло безрезультатно для народного образования Кубанской области. Именно в это время здесь открывается значительное число школ и станичных училищ». Если в 1883 году насчитывалось 243 сельские школы, то в 1894 году их действовало 491.

Развивающиеся капиталистические отношения вновь и вновь поднимали вопрос о необходимости введения всеобщего обязательного начального образования. Было ясно, что просвещение нужно не только для поднятия грамотности, но и для экономического состояния Кубанской области. В области предпринималась попытка изучения условий, при которых можно было бы ввести всеобщее обязательное начальное образование. О проекте «всеобщего образования» много говорилось и писалось в первое десятилетие уже двадцатого века, но все осталось на бумаге, в архивах начальника области и городской управы.

Система «всеобщего образования» распространялась, в какой-то мере, лишь на казаков-призывников, так как по положению все казаки призывного возраста должны были знать грамоту. По мнению С. Я. Кухаренко, командира второго Кубанского казачьего конного полка, подготовка казака-кавалериста в мирное время должна состоять из трех пунктов: стрельбы в цель, разведывательно-сторожевой службы и обучения грамотности.

Очевидно, что прогрессивно мыслящие люди понимали: Отечеству полезнее воин, который не только ловок, но и грамотен. Поэтому мальчики из казачьих семей обычно какое-то время посещали школу. Согласно указу наказного атамана, все неграмотные казаки-призывники в течение четырех месяцев, с 1 ноября по 31 марта, обучались чтению, письму, счету. Естественно, эти меры повышали уровень образованности казачьего населения.

Помимо обязательного обучения призывников, с 90-х годов во многих станицах области стали открываться воскресные школы. Это были школы для взрослых. Занятия в них проводились по воскресеньям. В этих школах преподавались письмо, арифметика, география, история, Закон Божий.

Первая такая школа открылась в станице Ладожской в 1893 году. В ней ежегодно обучалось 60–80 человек. На шестом году существования этой школы ее посещало 100 учеников. Воскресные школы успешно функционировали в станицах Шкуринской, Ново-рождественской, Пластуновской, Уманской. Все грамотные получали на дом книги для чтения. Кроме занятий, проводились чтения вслух с пением и любительские спектакли.

Число воскресных школ росло. В 1896 году их действовало 46. В них занималось около трех тысяч человек. Воскресные школы посещали люди в основном до 30-летнего возраста, как мужчины, так и женщины. Процент учащихся женщин был доведен в 1896 году до 42% всех учащихся, что было довольно значительным достижением.

С развитием на Кубани капиталистических отношений возникла необходимость подготовки сельскохозяйственных рабочих, знающих сельскохозяйственное производство. Было принято решение об открытии специальных школ: ремесленных и сельскохозяйственных. В ремесленных школах обучали какому-либо ремеслу: столярному, токарному, колесному, переплетному и другим. Кроме освоения выбранного ремесла, учащиеся получали знания по русскому языку, арифметике, истории, географии, а также черчению и рисованию. В 1896 году утверждено положение и штат ремесленных школ со сроком обучения 3 года.

Наибольшее распространение получили сельскохозяйственные школы. При них были опытные участки, на которых выращивались сельскохозяйственные продукты. Курс обучения предусматривал теоретические и практические занятия. Учащимся демонстрировали орудия труда, различные сорта овощей и фруктов. Здесь изучали основы виноградарства, садоводства, огородничества.

В этот период значительно возрастает число стипендиатов, обучающихся за войсковой счет в лучших российских специальных и высших учебных заведениях. Только Московский университет окончили с 1877 по 1916 годы 129 студентов из Кубанской области. По словам кубанского историка начала XX века А. П. Певнева, дети кубанских казаков могли получать образование за войсковой счет почти во всех учебных заведениях, существующих в России. По данным 1911 года, Войско затрачивало на образование казачьих детей четвертую часть получаемых доходов. Из них более четырехсот тысяч шло на содержание учебных заведений, около двухсот пятидесяти тысяч – на пособия станичным обществам для содержания станичных школ и более ста тысяч рублей на стипендии в различных учебных заведениях.

Но, в основном, расходы на образование ложились на само население. Резкий рост учебных заведений требовал новых расходов. Войсковая казна была не в силах удовлетворить запросы кубанской школы, поэтому основные средства на строительство, ремонт школ, содержание учителей давали станичные общества и добровольные пожертвования. Так, на содержание учебных заведений расходы государственной казны составляли от общей суммы – 5,5%, войскового капитала Кубанского казачьего войска – 23,2%, а сельских обществ – 71,3%.

В 1914 году в Кубанском казачьем войске насчитывалось 760 народных училищ и церковно-приходских школ, дающих начальное образование. В Екатеринодаре было 16 средних учебных заведений, где обучалось свыше шести тысяч учащихся. К 1913 году на Кубани 47,1% казачества были грамотными. В 1917 году Кубанское казачество по уровню грамотности занимало одно из первых мест среди всего населения России.

Г. В. Яковлев,
учитель русского
языка и литературы, член СЖ РФ

МАСТЕРСКАЯ

«Великий мастер – тот, кто смотрит своими глазами на то, что все видели, и кто умеет увидеть красоту в привычных, не останавливающих внимания, явлениях.

Огюст Роден

В середине прошлого века на страницах журнала «Юность» шла дискуссия о «физиках» и «лириках» в поэзии. Если сказать коротко, то под «физиками» подразумевались поэты, пишущие «умом», но не сердцем. К «лирикам» же относили поэтов, которые на первое место в своих произведениях ставили чувства, переживания, эмоции. Спор между «физиками» и «лириками» не привёл ни к чему – каждый лагерь остался при своём мнении. Стихов в наше время развелось великое множество. Музы как бабочки выются над каждым мало-мальски грамотным человеком. Счёт людей, причисляющих себя к поэтам, идёт на десятки тысяч. Сейчас даже в любой психиатрической лечебнице каждый второй пациент – поэт! При этом средний уровень поэтической квалификации большинства поэтов невысокий, в основном, эту категорию поэтов можно классифицировать как «разнорабочие» от поэзии. В средствах массовой информации публикуется огромное количество текстов, написанных вроде бы по всем правилам, но не представляющих собой никакой поэтической ценности.

Каждый читатель, каждый образованный человек должен чётко различать два понятия – стихосложение и поэзию.

Что такое стихосложение? Это, во-первых, умение подобрать рифму, во-вторых – выбрать ритм и следовать ему на протяжении всего стихотворения, в-третьих, – правильным литературным языком выразить свои мысли, чувства, эмоции. Кроме того, в любом стихотворении должен чётко вырисовываться запоминающийся образ, должны присутствовать правильно использованные сравнения и метафоры. Но каждое из вышеперечисленных понятий является только ступенькой, ведущей к блистательному трону Поэзии, частью мозаики большой картины. Стихосложение – это неодушевлённый каркас, это только фотография действительности. Но если в этот каркас вдохнуть душу, он оживает и начинает самостоятельную жизнь как частица большой Поэзии. Ошибкой многих поэтов (даже больших) является то, что, пройдя все ступени стихосложения, они останавливаются на последнем рубеже. Всё у них сделано правильно, всё на месте, соблюдены все законы стихосложения, но последнюю ступеньку – вдохнуть душу в произведение, они преодолеть не могут. Это и есть «физики», о которых говорилось в начале статьи. Они просто фотографируют действительность, но не изображают её как истинные художники, у которых каждый мазок, каждый штрих раскрывает душу и характер изображаемого предмета.

Известный литературовед Шенгели в своём «Трактате о русском стихе» (1921 г.) писал: «Ремеслу стихосложения можно обучить каждого. Умелый стихотворец может быть или не быть поэтом, а неумелый им быть не может. То есть ремесло стихосложения – есть условие, необходимое для всех пишущих, но одного его недостаточно, чтобы быть поэтом».

Иначе говоря, мыслящие и тонко чувствующие натуры, которые пишут плохие стихи, теоретически могут когда-нибудь стать стихотворцами, но поэтами они не станут никогда.

Более двухсот лет назад Никола Буало в своём произведении «Поэтическое искусство» великолепными александрийскими строфами беспощадно высмеивал многочисленных поэтов-выскочек с их скверными стихами:

1. Не станет никогда поэтом стихоплёт.
2. Не внемля голосу тщеславия пустого, Проверьте ваш талант и трезво и сурово.
3. Стихи, где мысли есть,

но звуки ухо ранят,

Ни слушать, ни читать у нас никто не станет.

4. Когда во Франции из тьмы

Парнас возник,

Царил там произвол неудержим и дик,
Цезуру обойдя, стремились слов потоки...
Поэзией звались рифмованные строки.

Не прямое ли это напоминание о том,

что следует всё-таки стихи («рифмованные строки») и поэзию различать? И ведь всё до наивности просто и давно известно. Только всегда ли мы этим советам следуем?

А вот советы М. Цветаевой начинающему поэту:

«Стихи – ответственность. Скажется – сбродится. Зная это, некоторых вещей я просто не писала».

«Ты ещё питаешься внешним миром, тогда как пища поэта – мир внутренний. Твои стихи поверхностны оттого, что в них мир внешний не пропущен сквозь мир внутренний».

«Твои стихи моложе тебя. Дорасти до самого себя и перерасти – вот путь поэта».

«Слова в твоих стихах большей частью заместимы, значит – не те. Твоя стихотворная единица, пока, фраза, а не слово. Тебе хочется сказать много, но ты ещё не дошёл до той грани, когда сказать что-то просто НЕОБХОДИМО».

Стихосложению учатся, а поэтами рождаются, потому далеко не в каждом стихотворении есть то, отчего хочется плакать, смеяться, ликовать или тосковать, то, что называется настоящей поэзией. Стихи настоящего большого поэта отличают следующие основные признаки:

- точный сжатый стих;
- богатейшая звукопись;
- ритм, точно соответствующий содержанию;
- прекрасные аллитерации;
- образность речи.

Замечательно по этому поводу сказал Твардовский – «поэт тот, кого читают люди, обычно не читающие стихов».

Основным достоинством поэзии является то, что она малое делает большим. Как будто заглянешь в маленькое окошечко – и вдруг раскинутся перед глазами широчайшие дали и сердце дрогнет от волнения.

Не всё, что называется стихами, есть стихи. Однако подлинные стихи – это всегда поэзия. Их мало, и даже у самых известных поэтов можно найти только десяток – другой стихотворений, которые отвечают запросам истинной Поэзии, поэзии с большой буквы. Настоящая поэзия – это всегда открытие; это новый мир, и нельзя точно определить и указать рамки этого мира будущему поэту: дескать, твори от сих до сих? А вот признаки дешевой стихотворной поделки указать можно. Это и отсутствие поэтической метафоры, это избитые фразы и давно затёртые слова, это – старческое брюзжание или просто стихи ни о чём. Главное, что отличает настоящую поэзию, – поэтическая мысль, увы, редко сегодня встречается, несмотря на все авторские амбиции.

Ещё 150 лет назад М. Ю. Лермонтов писал о роли и назначении поэта и поэзии: «Настоящий большой поэт не может создавать произведения просто ради самого процесса стихосложения. Он невольно задумывается над тем, в чем смысл и назначение его творчества, о чем он хочет поведать людям».

И ещё:

*Великим хочешь быть, – умей сжиматься
Всё мастерство – в самоограничении.*

Михаил Юрьевич всегда стремился сам следовать этому правилу «самоограничения». Очень характерно в этом отношении его стихотворение к А. О. Смирновой.

В первоначальном варианте оно выглядело так:

*В простосердечии невежды
Короче знать я вас желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.*

*Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу,
Но молча вы смотрите строго,
И я в смущении молчу.*

*Стесняю робостью детской,
Нет, не впишу я ничего
В альбоме жизни вашей светской,
Ни даже имя своего.*

Генрих Ужегов

ПОЭЗИЯ НЕ УМЕЕТ ЛГАТЬ

*Моё враньё так неукосно,
Что им тревожить вас грешно.
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.*

Лермонтов прекрасно понимал, что стихотворение не до конца доработано, что в нём есть детали, которые следует убрать. После небольшой «чистки» получилось прекрасное стихотворение:

*Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу,
Но молча вы смотрите строго,
И я в смущении молчу.*

*Что ж делать! Речью неукосной
Занять ваш ум мне не дано.
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.*

Юный Лермонтов – поэт-романтик, ощущая свой могучий поэтический дар, возвышающий его над людьми, прежде всего, ценил собственную свободу, презирая мнения насмешливого, блистательного света.

*Я сам собою жил доньше
Свободно мчалась песнь моя,
Как птица дикая в пустыне,
Как вдалеке по озеру лада.*

Но уже в юности поэта одолевала сомнения: можно ли желать славы и бессмертия, если его народ влачит жалкое, ничтожное существование.

*Безумец я! вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земле.
Как смел желать я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли?*

В этих строчках уже слышится раскаянье поэта в своём гордом высокомерии, в удалении от земной, обыденной жизни. В них говорится о том, что поэт нужен людям, он должен быть с ними и в горе, и в радости. Лермонтов пришел к пониманию того, что литература, поэзия, является могучим средством воздействия на сердца и умы людей. Мир настоящего поэта – мир внутренний. Поэт от Бога чаще всего не знает пути, по которому он будет идти, но он знает цель, и это в его жизни главное. Человек, занимающийся поэзией время от времени, по настроению, не может достигнуть вершин творчества и беспредельности, тот, кто хочет провозглашать божественную истину, должен отдаться ей всецело, должен принести себя в жертву. Для настоящего поэта поэзия – священнодействие, истинный поэт – служитель стихий, и он должен жить среди этих стихий в полной отрешенности от внешнего мира. Существует различие между творчеством и вдохновением. Чем выше духовные чувства автора при работе со стихом, тем богаче произведение. Можно сесть и написать с потолка или, лучше сказать, сложить стих по всем правилам и законам. Но существуют мгновения, когда тебя посещает то самое вдохновение, при котором ты пишешь и пишешь, и именно тогда ты получаешь истинное наслаждение и удовольствие. И если, спустя некоторое время, при прочтении данного стиха, ты так же остро переживаешь то, о чём написано – значит, произведение удалось. Вообще, стихотворение в этом плане надо воспринимать, как душевное высказывание автора, как мантру или молитву, которая не только рассказывает какой-либо сюжет, но и передает (это самое главное) энергетику и возбуждает чувства читателя. Чем больше чувств и переживаний вложил автор в своё произведение, тем выше его энергетика и сила воздействия на окружающих. Иногда можно встретить парадоксальные вещи – с точки зрения правил стихосложения вещь написана слабо, но она обладает такой энергетикой, что достигает вершин настоящей поэзии. Ведь наши чувства увеличиваются в разы, если мы делимся ими с окружающими, и окружающие понимают их.

Пусть это будет хоровое пение застольной песни или обобщенная любовь.

В далёкие 50-е годы прошлого века Юз Алешковский написал «Песню о Сталине», которая начиналась словами:

*Товарищ Сталин, Вы большой учёный –
В языкознание знаете Вы толк,
А я простой советский заключённый,
И мне товарищ серый брянский волк.*

Песня в течение короткого времени разлетелась по всей стране. В чём же заключался секрет огромной популярности этой явно не поэзии? Всё очень просто. Автор уловил настроение советских граждан в эпоху «оттепели» и сумел точно выразить их чувства. В слова песни он вложил огромную энергетическую силу, которая нашла отклик в сердцах миллионов людей.

Или взять, всем известное, «В лесу родилась ёлочка». В стихах нет ни красивых образов, ни великолепных сравнений и метафор. И, тем не менее, 200 миллионов человек знают слова этой немудрёной песенки, поют её. Почему? Да потому что энергетика, вложенная автором в текст этого стихотворения, оказалась близкой миллионам людей, настроение автора вошло в резонанс с настроением миллионов читателей.

О придании поэтического звучания стиху никто не сказал лучше Ахматовой:

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как попухи и лебеда.*

*Сердитый окрик, дёгтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.*

Настоящие стихи – это не только высокая энергетика, но и предвидение. Вспомните стихотворение М. Ю. Лермонтова «Предсказание»:

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт,
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...*

Или:

*Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё не ведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой.*

Я раньше начал, кончу ране...

И ведь каждая строчка стихов великого поэта оказалась пророческой.

В своём стихотворении «Евреям» А. Ахматова пишет:

*...По всей земле – от края и до края –
Распятие и снятие с креста.
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребём Христа.*

Стихотворение было написано в 1916 году, когда поэтесса впервые встретилась с Мандельштамом. Ахматова и Мандельштам часто гуляли по Москве и были увлечены друг другом. И не о нём ли Ахматова написала последние две строчки?!

Конечно, нельзя всё понимать буквально. Существует ведь ещё такой вид искусства, как искусство чтения. Осипа Мандельштама, увы, не погребли, а сбросили в яму на «Второй речке» под Владивостоком. И он, крещёный еврей, был не первым и не последним сыном Израиля. Но как она могла знать? Как могла предвидеть?!

Она – не могла... А Поэзия – могла и может. Но при одном условии: если Создатель запечатлел поцелуй на челе Поэта. И станет тогда Поэзия вещать современникам и потомкам о том, что было и будет, и бить в набат людских сердец. Надо только вслушаться в её голос.

Истинная Поэзия, как известно, всё знает и не умеет лгать. Более того, наступает момент, когда она, отделяясь от автора, начинает жить самостоятельно и сливается с вечностью. Поэзия – язык души.

(Окончание в следующем номере)

Иван Лукьянович Дроздов

Родился 14 марта 1924 года в семье крестьянина, в селе Верхний Киембай Домбаровского района Оренбургской области.

В 1938 году его родители переехали на Кубань. Выпускник Старокорсунской средней школы, Иван Дроздов прямо с выпускного вечера ушёл в военкомат и вскоре надел шинель курсанта Грозненского военно-пехотного училища.

А в июле 1942 года он уже в звании лейтенанта командует пулемётным взводом и защищает Сталинград. 23 августа, тяжело раненый, попадает в немецкий лагерь военнопленных. Ему удается бежать, и он идёт на запад, участвует в боях за Днепропетровск, Одессу, в разгроме Яско-Кишеневской группировки, освобождает Румынию, Болгарию.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейными медалями.

После войны, получив образование инженера-металлурга, работал сначала начальником литейного цеха завода «Запчасть» в городе Краснодаре, затем начальником крупнейшего в крае литейного цеха Краснодарского компрессорного завода.

В 1964 году в альманахе «Кубань» публикуется первый его рассказ «Каким был день?»

Хорошее знание заводской жизни, проблем коллектива позволили И. Дроздову создать роман о рабочем классе «Литейщики».

На страницах романа «Прощание с журавлями» вылилось всё то, что И. Дроздов пережил на войне.

Третий роман «И некуда руки воздеть» опубликован в сокращенном варианте в журнале «Кубань», издан отдельной книгой в 2001 году. В 2006 году издана книга повестей и рассказов «Полынная горечь».

С 1966 и по 1996 годы И. Дроздов возглавлял Бюро пропаганды художественной литературы. А с 1991 года Краснодарское отделение Литфонда России. С 1996 г. — член Президиума Литфонда России.

Член Союза писателей СССР — России с 1991 года.

Умер в сентябре 2008 года.

РУССКИЙ ИВАН

Человек, проживая жизнь, примеряет на себе не одну судьбу. Но прожить судьбу русского человека по силам только русскому Ивану. Потому что это судьба огненная, обжигающая пределы земного, разрывающая эти пределы и выходящая во вне... Это судьба человека, духовная воля которого намного шире, объемнее и величественнее того, что отпущено бранным временем. И оттого эти люди делят жизнь намного дольше срока своей биологической жизни, словно свет, идущий от погасшей звезды, что лучится миллионы лет... Такова сила света! Таким был мой отец, Дроздов Иван Лукьянович, чья пуповина — от самой колыбели Руси — бездонной вольницы украинских просторов, по отцу, и диких солончаков татарских степей, по матери. А первый крик новорожденного пронзительно раздался и утонул в густых ковылях Урала... Жизнь откликнулась на этот крик, и подарила судьбу нелегкую, но яркую. Заметна эта судьба уже тем, что вспыхнула под Сталинградом ярче, чем те огневые разрывы снарядов, что были пущены врагом, чтобы убить таких же юных, как и лейтенант Дроздов, вчерашних курсантов Грозненского военно-пехотного училища. И оказалась сильнее колющих ограждений, голода и лая беспощадных немецких овчарок в Цимлянских лагерях, куда раненым попал отец, чтобы бежать на фронт и гнать фрицев до самой Болгарии, где и встретил Великую Победу....

А в мирные пятидесятые — судьба его вновь зажглась огнем металла на Краснодарском компрессорном заводе, сталь которого плавилась так и лилась туда, куда указывал ей начальник литейного цеха Иван Дроздов. Переплавившись в горниле войны и литейных вагранок, заглавные буквы жизненной биографии лейтенанта Ивана Дроздова легли в строку его путевых заметок, рассказов, романов «Литейщики», «Прощание с журавлями», «И некуда руки воздеть», «Полынная горечь»...

Если с высоты прожитого отцом сформулировать то главное, что составляло смысл его жизни, сокровенные чаяния и его предсмертный крик, то это слова, сказанные им в мгновение, в которое человек застывает между тем светом и этим, между временем и вечностью, между небом и землей, и высвечивает то главное, с чем и готов предстать перед Всевышним. «Смерти нет, ребята!» — именно эту команду дал лейтенант Дроздов, вскочив на бруствер и — ринулся вперед, чтобы осадить бежавшую за танком вражескую пехоту. Несомненно, этот крик был криком бессмертия, который сильнее самой жизни, сильнее желания любить, дышать, видеть небо... В тот запредельный миг, когда отец упал, подкошенный миной, он увидел небо намного ближе живущих на земле... И после — никогда не боялся смерти. Ни тогда, когда бежал из Краснодарского концлагеря, в котором впервые были применены душегубки, ни в те мгновения, когда, в состоянии обширного инсульта попав в реанимацию, был врачами приговорен...

Это был самый страшный и отчаянный момент моей жизни, когда мы с мамой готовы были отдать врачам все, что нажито, лишь бы спасти отца. Но они отказались, не взяв ни копейки, потому что по всем клиническим показаниям отец не должен был дожить до утра. «Надежды нет...» — сказал заведующий зиповской реанимации. И ошибся. Потому что отец мой — русский Иван. И уже утром он опять доказал всем, что «Смерти нет!..» Врачи не могли объяснить произошедшего Чуда: больной не просто выжил, но и заговорил...

После того страшного дня Всевышний дарует отцу более десяти лет, в течение которых он многое скажет глубокого, мудрого, жизнеёмкого. А еще больше напишет.... И ни одной строкой не слухавит. Великий дар понимания и любви у отца был от Бога. До сих пор я не встретила человека, который бы так всеохватно, искренне любил жизнь и своего ближнего. Словно каждая клеточка его души была заряжена жизнью. «... Иван был уверен, — напишет он о себе в рассказе «Утро 19 ноября», — что на каждом шагу зовет его смерть. Оказывается — нет! Человека на каждом шагу зовет жизнь»... Лежа тяжело раненым между трупами, рядом с расплюснутым телом курсанта, Иван Берестов в изнеможении повернулся на спину и увидел, как «в синеве режут клином небо журавли». А «между небом и землей висит на серебряной нитке жаворонок. Трель его — торжество жизни над смертью.... Иван — раненый среди мертвых — слушает его песню. Мертвые молчат, чтобы не нарушить этой трели....» Мама моего отца была дочерью священника. Должно быть, от неё генетически передалось отцу обостренное чувство бытийного присутствия: «...танк и немец мертвы. А чуть дальше — ярышник. Уцелел же! Словно кровью облит колосок. Стоит, как огрех на косовице....»

Этого торжества жизни над смертью Ивану Дроздову хватило, чтобы успеть реализовать то, что отпущено Богом. А отпущено было многое: плавить сталь, писать картины, романы, петь и учиться играть на аккордеоне, гитаре, пианино, вкусно и с любовью готовить обед, шить модное платье жене, чинить машину.... Но больше всего на свете отец любил путешествовать. Трудно назвать тот уголок России, куда бы Иван Дроздов не добрался со своей семьей на «Волге», начиная от Белоруссии и Западной Украины до Урала, от Кенигсберга — до Одессы Хранятся тома путевых его дневников, на страницах которых Русь — как на ладони: пропущена через восторженное сердце русского Ивана, внутреннему взору которого открывались тайны русского мира, что хранили в себе родовые имения русских классиков — Спасское-Лутовиново, село Михайловское, Ясная Поляна, Тарханы, Карабиха, Старая Русса, село Константиново; глубокое молчание полынных ровов на Бородинском поле; суровые красоты

военно-грузинской дороги; могила русско-го Грибоедова на горе Святого Давида, в самом сердце Тбилиси...

Любовь к дорогам для русского человека от его неумного сердца, которое невозможно успокоить успехом и благами земного порядка. Но которое томилось тем, что еще неизведано. Как можно было Дроздову Ивану, талантливому, подающему надежды инженеру, отказаться от приглашения в Министерство металлургической промышленности и — как в омут с головой — окунуться в творческую стихию: возглавить Бюро пропаганды художественной литературы Кубани — на целые тридцать лет... Над многими вещами отец думал долго и глубоко, но не над теми, что оказались личными и судьбоносными. Они совершались в его жизни спонтанно, по наитию. Как и уход в 60-е годы из горячего литейного цеха — в более горячий цех писательский, где каждый собрат по перу претендовал быть если не Пушкиным, Толстым, то Буниным, — непременно. Поэтому отцу было легче встретить писателей из Москвы, Югославии, Германии, нежели установить очередность отдыха кубанских классиков на писательской даче в Сочи. Но благодаря уникальному таланту видеть человека насквозь, отец никогда не имел врагов. И в нескончаемой круговерти встреч, командировок, пленумов, выступлений — была в его жизни та неизменная константа, что всегда возвращала к истокам: Любовь к жене, к Родине, которая начиналась для него с семьи.

Говорят, что человек предстает своей сущностью именно в момент смерти. Ощущая предвечное, отец завещал мне никогда не опираться на то, что бездарно, так как оно обязательно предаст. И завещал Родину, прося прочитать вслух Пушкина «Клеветникам России». Последняя запись, какую он собственноручно сделал в телефонной книжке, была посвящена маме: «Если бы в голодный год Рае пришлось умирать, я бы, не задумываясь, отдал себя всего изголодать, чтобы спасти её...»

Отец изголодал самого себя, отринув жизнь, в которой «Россию, распиная, продают, / Грозясь зарыть на мировом погосте....» Замолчал, не впуская в себя ложь и не участвуя в том, что лживо. Его молчание научило меня принимать и переживать трагедию. В том числе трагедию его собственного ухода из жизни. Шесть лет минуло с того дня, когда перестало биться сердце моего отца. Но чем больше проходит времени, тем ближе он становится. Его образ все больше заполняет собой то жизненное пространство, которое с каждым днем убывает. И не заживает на сердце моем шрам от строк, выведенных его рукой:

Я целую икону, шепча:

«Вы простите меня, все святые!»

Я буду гореть, как свеча,

Перед ликом любимой России...

Наталья Щербакова,
член Союза писателей России

ПАНОРАМА

Презентация сборника «Звезды над Кубанью», которая прошла 26 марта 2014 года в актовом зале Краснодарского филиала финансового университета, стала большим литературно-музыкаль-

ным праздником, организованным краевой юношеской библиотекой имени И. Ф. Вараввы. Изданная к 65-летию юбилею краевой писательской организации, книга прозы и поэзии включает лучшие произведения членов Союза писателей России, лауреатов престижных литературных премий, победителей различных Всероссийских и Международных литературных конкурсов.

В столицу Кубани из городов и станиц края на презентацию съехались писатели, авторы сборника «Звезды над Кубанью». Все они отметили, с какой душевной теплотой отнеслись к ним библиотекари, постаравшиеся полноценно

представить каждого литератора. Книжная выставка в вестибюле наглядно демонстрировала все книжные новинки и творческие достижения участников. Был подготовлен красочный видеоряд, также рассказывающий о каждом из приглашенных. Ведущие представили сцену сначала поэтам В. Архипову, Л. Мирошниковой, В. Динке, И. Дудину, Н. Зиновьеву, С. Зубареву, С. Медведевой, Г. Ужегову, Н. Хрущ. С цветами в руках они читали свои стихи, обращались к зрителям. Стихи кубанских поэтов прозвучали и в исполнении юных чтецов, учащихсся Межшкольного эстетического центра г. Краснодара, которые представили также

театрализованную композицию из поэтических произведений, вызвавшую бурные аплодисменты присутствующих.

Затем своё место на сцене заняли прозаики Л. Бирюк, А. Ильяхов, С. Макарова, А. Мартыновский, Г. Соловьёв, Г. Пошагаев. Их выступления чередовались с песнями и танцами в исполнении студентов Краснодарского краевого колледжа культуры.

Говоря о вышедшей книге председатель правления КРО Союза писателей России С. Н. Макарова отметила: «Владея таким наследием, которое создали кубанские писатели за время существования организации, мы решили предста-

вить для современного читателя тех, кто сейчас работает на литературной ниве Кубани с одной целью — показать, каким огромным творческим потенциалом располагает писательская организация».

«Это прекрасный подарок читателям Кубани от кубанских литераторов, — сказала в заключение презентации сборника «Звёзды над Кубанью» директор библиотеки Л. И. Филиппова. — Своим творчеством поэты и прозаики Кубани продолжают традиции и самобытность российских литераторов, помогают кубанцам вдохновенно и созидательно жить и трудиться на своей земле».

СОБИНФО

Иван Дроздов

ПРОЩАНИЕ С ЖУРАВЛЯМИ

Глава из романа

Глухая ночь. Темнь и тишина. Даже собачьего лая не слышно. Так немотно вокруг — оторопь берёт: а вдруг она, эта звенящая тишь, лопнет взрывом снаряда или с треском разорвётся пулеметной очередью?

Сержант Иван Долгов недоверчиво оглядывается. Среди разрозненных куп деревьев угадываются бельмастые, перебранные бумажными полосками окна казармы. Тихие и темные, они равнодушно взирают на мир. Смутно чернеют в створе ворот нефтяные вышки, вяло помахивающие коромыслами качалок.

Здесь, во дворе военного училища, тихо, а там, на Дону... Иван уже испытал, что такое фронт. Он помнит, как по ночам прислушивался к хлопанью на ветру промерзшей плащ-палатки, висевшей над входом в «лисью нору», к тоскливому нытью пуль, то и дело взрывающих гребни сугробов. А когда вспоминал о боевом расчете, его сразу же начинала лихорадить тревога: не уснули ли там, у пулемета, не окоченели?

Это было в декабре, когда их, недоучившихся курсантов, кинули под Ростов.

Там Долгов потерял своего друга, односаничника Дмитрия Осначенко. Он обнаружил его в одиночной ячейке. Скорчившись, Дмитрий как бы отдыхал в занесенном снегом окопчике. Его полуприкрытые глаза голубели в белой пелене стелющейся над ним поземки...

В феврале курсантов вернули в училище доучиваться. И вот завтра — последний экзамен. Присвоят им звания лейтенантов и — на фронт. Фронт...

Долгов ту же затягивает пояс, большими пальцами разглаживает под ним складки курсантского кителя. Он словно бы уже слышит гул далеких оружейных залпов.

Там, на Дону, сейчас ухают пушки, гибнут люди.

А здесь, во дворе училища, тихо. Так тихо, что слышно, как скатывается с листьев осокоря капля росы.

Все-таки унинительны безопасность и это гнетущее чувство безделья, когда на фронте умирают люди...

Иван горько вздыхает, словно прощается не с военным училищем, а с родным домом, куда он больше никогда не вернется.

На крыше гарнизонной библиотеки, будто впечатанный в прошитую звездами ткань черного неба, стоит, широко расставив худые железные ноги, крупнокалиберный пулемет ДШК. Черный зрачок ребристого ствола нацелен в небо.

Довелось и Долгову побывать на крыше. Он со своим отделением дежурил, охраняя город от налета фашистской авиации. Сидя у зенитного пулемета, он открыл для себя Байрона. Его поразили строки:

Учили персов встарь: стрелять из лука,
Владеть копьем и гнать сурово ложь...

Теперь все это в прошлом. Не увидит больше сержант Долгов и вон той длинной казармы с койками в два яруса, не приклонится охолодавшей на морозе щекой к теплой круглой кирпичной голландке. Обтянутая черным листовым железом печь обогревала продрогших в зимнюю стужу курсантов, как заботливая мать сыночек. Не придется Ивану совершать марш-броски и на трижды проклятую гору Ташкала. Не кинется больше Долгов при полной выкладке и в рыжую, ошалело скачущую по камням Сунжу... На этой горной реке курсанты учились преодолевать водные преграды. А точнее — закаляли нервы в ледяной купели. От такой закалки хотелось хотя бы

один день полежать на госпитальной койке. Но как назло никакая лихоманка не брала.

Долгов перевёл взгляд на забор. Этот забор ничего не огораживал. Он служил одной из преград на учебной полосе. Иван отступил назад, разбежался и по-молодецки лихо перескочил через забор. На пути встала стенка из поперечных досок высотой около трёх метров. Он с разбегу перемахнул и через нее. Сейчас легко и просто. А поначалу...

Командир тринадцатой пулеметной роты лейтенант Крышка, перед тем, как отправить роту на обед, лично выводил курсантов на взятие этой стенки.

Лейтенант Крышка... Надолго прикипела к сердцу Ивана обида на этого офицера.

...Завидев лейтенанта на аллее, Долгов

под солнцем лужицу...

Иван, как и большинство крестьянских детей, не умел лукавить.

— Я их чистил, — сердито сказал он.

— Не вижу! — обрезал лейтенант.

Иван подосадовал на себя за то, что не послушался Берковича, соседа по строю. «Да не надраивай ты их, — советовал тот, — так виднее пыль будет. А на серых и грязь сойдет...»

— На первый раз — наряд вне очереди! — объявил Крышка. — И доложите об этом старшине Назаренко.

Старшина Назаренко, высокий, шинель внакидку, заулыбался, будто Долгов бог знает какую приятную новость сообщил.

— А я тут ломаю голову, кого бы это за-

Долгову сейчас кажется смешным, как он во все горло с мальчишеской увлеченностью командовал: «Смий-иррра!» вот этому телеграфному столбу. Крышка требовал от курсантов твердого командирского голоса, и по всему училищу раздавались оглушительные команды: «Равняй-ись!.. Напрааа-во!..»

Взводный же, лейтенант Шинкаренко, в работе с курсантами всё больше нажимал на искусство речи. Он до войны окончил филфак Ленинградского университета. «Ещё люди древнего мира хорошо понимали разную силу слова, — поучал он курсантов. — Примерно в две тысячи восьмидесятом году до нашей эры один из царствовавших в то время фараонов так наставлял сына, наследника трона: «Будь искусен в речи, это сделает тебя могущественным... Язык — это меч...»

— Думаешь, языком можно сшибить головы фашистам? — возразил ему Крышка.

— Красная армия — армия нового типа, — ответил Шинкаренко. — Мы должны учить её командиров не только умению бить врага, но и готовить из них пропагандистов-интернационалистов.

— Эк, куда хватил! — Лейтенант Крышка расстегнул на воротнике гимнастерки две верхние пуговицы, чтобы легче было дышать при беге, и дал вводную:

— Только что на гору Ташкала высадился десант силою до взвода. Ваше решение, сержант Долгов? Иван вышел из строя, грустным взглядом окинул шеренги курсантов, построившихся, чтобы идти в столовую. Он знал, чего стоит эта вводная: марш-бросок на Ташкалу неизбежен. А обед?..

— Противник уже начал окапываться! — предупредил Крышка.

Долгов решил:

— В ружье!

Уж лучше бы тебе двойку по тактике поставили! Чем всей роте бежать на эту клятую Тяжкалу, — бубнил, прихрамывая на растёртую ногу, Бугорков.

— Не я, так другой бы подал такую команду, — огрызнулся Иван.

— Не разговаривать! — прикрикнул Крышка. Он бежал впереди, задавал скорость.

После, провожая роту на обед, Крышка сдул с губ набегающий пот, сказал:

— Тяжело в учении, легче будет в бою...

И всё же это — не фронт. Иван касается рукой телеграфного столба, ощущая ладонью его шероховатость, поднимает глаза. Из-за гор выглянула гололобая луна. И всё во дворе сразу же преобразилось. Тень от ворот — как ИМИ. Тропинка, на которой стоит Иван, светится, словно затерявшийся в траве ручей.

Горнист давно уже протрубил по училищу отбой.

Иван опускается на садовую скамейку, долго сидит, обняв себя за плечи, напряжённо вслушивается в непроглядный мрак. Здесь, в горах Кавказа, покой и тишина. А там, в Задонье... Над сколькими душами эта военная ночь опустит сегодня свой черный саван?...

Иван идёт в казарму. У порога оглядывается на луну. Та неумело замаскировалась тучкой. «А уши-то видно», — усмехается он, вспоминая замечание Крышки, сделанное заезававшемся в секрете курсанту.

В казарме всё ещё горели огни. Многим курсантам не спалось в эту ночь. Тринадцатая пулеметная рота — выпускная.

Дневальный строчил письмо. Долгов постоял в нерешительности возле него, подумал: пожалуй, и ему следовало бы черкнуть родным.

рассчитал расстояние и в точно намеченном месте, как того требовал устав, перешел на строевой шаг. Рубил так, что даже отошавшие на курсантских харчах щёки тряслись. Вскинул руку к пилотке — ждал одобрительной улыбки.

— Какой роты? — спросил лейтенант Крышка.

— Тринадцатой пулеметной! — припечатав ногу, объявил Долгов. И гордо вскинул голову: вот мы, дескать, какие!

— Не верю. Серые глаза лейтенанта смотрели вроде бы и дружелюбно, однако, верхняя губа подергивалась так сердито, что Ивану стало не по себе.

— Не верю, — повторил Крышка. — Не верю, чтобы в моей тринадцатой пулеметной были такие неряшливые курсанты.

Лейтенант осуждающе метнул взгляд на чуть забрызганные грязью ботинки Долгова.

Хромовые сапоги на самом лейтенанте были начищены до блеска. Иван молчал.

Всего полчаса назад он надраил свои ботинки так, что, глядя в их носки, можно было бриться, но не для того же он их чистил, чтобы обходить каждую раскисшую

ставить дров наколоть! — воскликнул он и вручил Ивану топор. — Не менее кубометра!

Пилёные поленья находились за каменной оградой, приваленные сугробом снега. Поверх сугроба — броня из ледяной корки. Полдня потратишь, чтобы только до них добраться.

У Ивана, семнадцатилетнего паренька, защекотали в уголках глаз слезы. Не предстоящая работа его страшила — жгла обида. Теперь об этом Иван вспоминал с усмешкой: с мальчишки — какой спрос? Правда, спустя три недели тот же лейтенант Крышка вызвал его к себе в кабинет — скудно обставленную комнату с однотумбовым столом посередине — и объявил, что ему, курсанту Долгову, приказом начальника училища присвоено звание сержанта. Вручил Ивану четыре поблескивающих красной эмалью треугольника — по два в каждую петлицу, распорядился принять первое отделение первого взвода...

Больше полугодика прошло с тех пор — срок немалый по военному времени, если учесть еще и зимнюю фронтную «практику» под Ростовом... И теперь вот он, Иван Долгов, без пяти минут лейтенант.

ПРОЗА

Геннадий Пошагаев

ЧЕЛОВЕК ТРУДА

Никого из начальства в правлении не было. Пустовали, считай, все кабинеты, за исключением угловой комнатки, где стояла пишущая машинка. В модной кепке, щупловатый и уже немолодой московский журналист Толстиков Иван Лукьянович прошёл по безлюдному коридору, изнывая от духоты, мучаясь, что страда в разгаре, а он вынужден здесь слоняться. Заглянул к машинистке, но не стал тревожить её расспросами. Пробежал глазами приклеенные к фанерному стенду бюллетени, приказы, «молнии»... И тут неслышно сбоку появился высокий сухопарый мужчина. Назвался Петром Константиновичем Овчинниковым. Особо подчеркнул, что является агрономом одного из передовых отделений.

— Я ещё и член правления, — с вкрадчивой любезностью дополнил он, аккуратненько проводя ладонью по небольшой смуглой лысине. — Чем могу, тем и подсоблю. Начальство в городе, неизвестно, когда придёт...

И увел гостя в актовый зал. Там, на столе, застланном кумачом, разложил несколько снимков передовиков колхоза.

— Каких хотите орлов... и толстых, и тонких, и рыжих, есть и цыганского покроя. Вот, любуйтесь на гвардейцев! — щедро заулыбался он, ткнув пальцем на портрет первого попавшегося механизатора.

— Отлично. Давайте координаты этого товарища, — ухватился Толстиков с готовностью.

Агроном почему-то вдруг передумал:

— Пожалуй, я вам не этого, другого порекомендую... Малашкина! Поведал, кто такой Малашкин Самсон Самсонович. Хвалил, а после досадовал на него, мол, не тянется к славе, не стремится солдат этот в генералы.

Вспотевший Иван Лукьянович вытирал платочком лоб.

— Ладно, попробую разобраться с вашим Малашкиным...

— Так вы, серьезно, из центральной печати? — всё не мог поверить агроном.

— Зачем же мне обманывать? Из Москвы я. Обещал редактору материал сделать про человека труда. Не очерк даже, а целый рассказ написать, чтоб читатель человека целиком увидел. — Иван Лукьянович нахмурился, добавил сухо: — Собственно, я проездом. На один денёк всего к вам. По нравились места здешние. Смотрю — косят, ну и потянуло. Дай, думаю, сойду с поезда и в поле подамся. Возьму материал об уборке, а уж потом в санаторий. Лечиться еду... Ну, это уже из другой оперы. А положу руку на сердце: кто в этом году по рекордам впереди? Рассказывайте и погромче, глуховат я!

— Однозначно Малашкина предлагаю. Юбилейная дата у него по окончании уборки, на пенсию провожаем...

— Продолжайте-продолжайте, — слушая, Толстиков косился на снимки. Перебирая их, невольно присматривался к крепышу с добрыми, тёплыми глазами. — Не он ли самый, не Малашкин? — склонился, наставив ухо. — Как сказали? Ярошук, звеньевой? Ага... А если Ярошука? По-моему очень симпатичный мужик... И здорово смахивает на одного моего знакомого, механиком работает в совхозе, — корреспондент вновь засмотрелся на волевое лицо механизатора.

Овчинников присел на стул, развёл руками:

— Не подходит... любит шуметь... Работать умеет, не отрицаю, — небрежно бросил агроном. — Но от Ярошука голова болит. И он же... был у немцев, в фашистской форме блудил. Не припомню подробностей, но знаю, что был такой факт. Потом, якобы, бежал.

Корреспондент разочарованно прихватил:

— Тогда и говорить нечего. Ясно, отпадает. — Толстиков забеспокоился. — А в принципе мне безразлично: Малашкина или кого другого, но... вы поняли? Человек труда необходим, и это не всё. Нужно разобраться в нём, чтобы раскрыть его потом в

рассказе... Так что давайте на Малашкине остановимся.

Корреспондент направился к двери, увлекая своим нетерпением и агронома.

Уже на крыльце Овчинников вспомнил о «газике» и помрачнел: везти москвича не на чем! Весь транспорт занят и не скоро освободится.

— Я домой сбегать и пригоню мотороллер. Побудьте здесь! — всполошённый, унесся на длинных ногах. Толстиков проводил его взглядом и немного погодя закурил. Легче стало после нескольких затяжек. Вдалеке виднелся лиман, камыши темнели непроходимыми зарослями, а между ними блестяли нетронутые ветерком обширные глади — отличные места для диких уток. Дальше, на противоположной стороне, расстились выгоревшие нивы, на которых отдаленно рокотали невидимые отсюда комбайны. Эх, теперь бы в поле скорее!

Один за другим мимо проносились ЗИЛы, груженные зерном.

Толстиков снова занервничал: сколько ждать агронома? Не вытерпев, Иван Лукьянович отправился на поиски зернотока. Оттуда проще добираться в поле к Малашкину. Не доходя до зернотока, вскоре набрёл на колхозников, ремонтировавших жатку вблизи лесополосы. Иван Лукьянович поздоровался с мужиками. Один из них, плотный, с седым чубчиком, улыбнулся москвичу как знакомому: в нем корреспондент узнал Ярошука, которого видел на снимке. Чем не запорожец с картины Репина? Тот, что тянется над столом возле писаря...

— Вы здесь за атамана? — улыбнулся Иван Лукьянович.

— Он самый... а комсомолия помогает, — кивнул Ярошук на механика и слесаря-водителя, равнодушных к появлению постороннего. — Хлопцы проворные, да токо несправедливо обошлись со мной, ветераном. Вперёд Самсона просил техпомощь — не учли, обслужили того первым. И дежурят постоянно, горячее, сварку возле Малашкина держат наготове. А мы, дурни, як хотите... Вчера больше Самсона скосил, считать начали, и почему-то у меня вышло меньше гектаров, чем у соперника. И поле шире, по длине несколько не уступает... Шо за контроль!

Откровенность, простодушие крепыша заинтриговали Толстикова, глуховатый, он то и дело наставлял ухо, кивал. Слесарь-водитель и механик, видимо, не надеялись

справиться с поломкой, сели курить. Их сменил Ярошук, но у него тоже ничего не получалось: нелегко было заменить изношенный подшипник. Комбайнёр с забавным нетерпением косился из-под кепки: похоже, приезжий, этот посторонний, не собирался уходить. Ярошук подошёл к нему, вздохнул:

— Никак с валом не оправлюсь... вот попытка... самый разгар, косить и косить. И друг у меня такой же беспоконный, цыган по национальности, мы вдвоём с ним беспрерывно держали первенство в районе, и вдруг поломалось. Не в курсе, яки-таки указания, а нас прижали, и уже с прошлого году потянули других в передовики. Цыган смирился, а я... повременю трошки, не желаю сдаваться. Ещё чего! У немцев был — вырвался из окружения... — Звеньевой сорвал выюнок, оглянулся. — Слух некоторые тут пустили по селу, будто Ярошук у гитлеровцев находился... Ну, був, було на мне фрицевское обмундирование, не отказываюсь... Интересные люди: взяли и перевернули по-своему! И никто ж не уточнит: за что Ярошуку вручили орден Славы?!

— Действительно... А за что орден дали? — Толстиков оживился.

Ярошук отбросил выюнок.

— Посмотрел бы, як повели себя эти говоруны на моём месте. Мало тогда кто из роты уцелел... Очнулся, глядь — никого нема из моих хлопцев-сослуживцев, и уже темно... Слышу, по верху траншеи шурудят чужие и светят фонариками. Я со страху и приник. Хорошо, что ночью. И думаю, куда ж деваться? Товарищи, наверное, посчитали за убитого и тихонько ушли от немцев... Ну а после, как отлежался в соседнем селе, я сообразил переодеться в немецкую форму, снял одёжку фрица убитого, оружие сменил, гранату трофейную прихватил и потопал на восток, ориентировался по звёздам. Любыми путями нацелился попасть к своим, токо не в плен сдаваться...

— А что предпринимали... при встрече?

— С немчурой? А я в кусты сразу заворачивал, и ховался. Было раз и так: скинул штаны и сижу, жду, когда мимо пройдут. Всякие и среди них попадались, и шлопутные идиоты, станет и га-га... ржет, мурчит. Показываю ему: иди, топай-топай...

Толстиков хмыкнул, улыбнулся понимающе: «Выходили из положения...» Но было не до смеха, когда звеньевой поведал, с какими трудностями и переживаниями добирался он до линии фронта, как взорвал вражеский дзот, из которого строчил крупнокалиберный пулемет по нашим бойцам, не давая им подняться в наступление. И Ярошуку перебежать к своим невозможно было из-за этого пулемета.

— У меня ж, вспомнил, граната есть... немецкая, трофейная! И план моментально созрел: а шо если рискнуть? Вылез из кустиков и с тылу к ним — шурх, в их резиденцию. Гранату кинул в потёмки, и пулей выскочил... От рвануло! Я тут давай быстро расстёгиваться, пилотку закинул и почти голиком бегу к нашим, машу руками, кричу хлопцам, чтоб не стреляли! А наши в атаку двинулись!...

— Помогли им, выходит?

— А то нет?! Прорвались на моём участке, где дзот заглох. — Звеньевой выпрямился, чувствуя себя героем, и невесело добавил: — С той поры, скоко живу, покоя нема совсем в ночные часы. Ворочаюсь, можете

поверить, всё мерещится, будто снова отстал от роты...

Пауза стянула молчанием и говорившего, и журналиста, но оживились ремонтники, видно, устав от перекура.

— Егорыч, — решительно заявили комбайнёр, — зови кого-нибудь на помощь, и пусть добьёт клин, ничего ж не выходит. А мы потащим твою косилку в мастерскую.

Ярошук утёр пот со лба и проговорил сдержанно:

— Не було такого случая, чтоб не выпутаться из беды. Обойдусь и без вас, раз тикать надумали.

— От упрямый! — механик отошёл и опять закурил, нервничая и что-то ещё бубня. Папироска торчала у него во рту задиристо, словно бы надсмехалась над звеньевым. — Что толку, Егорыч? Носишься с оптимизмом, как со своим животом!

И богатыря взорвало:

— За что ж тогда вам гроши плотют? А ещё называется спецалтсты с высшим сельскохозяйственным образованием! И не стыдно тебе, механику, рассуждать як малолетнему дошкольнику?! Ишь, шустрые оба! Инструменты до кучи сложили...

— Послушай, Егорыч, сам видишь: колотиться нет смысла. Потому и уматываемся. Да и дела у нас есть поважнее, — буркнул механик, и они понесли инструменты к будке техпомощи.

Неизвестно, сколько бы ещё дожидался помощи комбайнёр, если б сам Тит Егорович не вспомнил об одной «штуке». Перешел баршиль железяки под сиденьем кабины, — и нашёл! Приспособился с этой «штукой» на валу, колдовал, отстукивая молотком, потом размахнулся посильнее — и подшипник выскочил. Подняв его с земли, повернулся Егорыч в сторону беглецов, как бы желал показать им. Но где там! Техпомощь давно уехала.

Схватив пучок соломы, вытер смазку с ладоней и готов был кубарем вкатиться, в кабину жатки, только б скорее докосить ячмень!

Однако без подручного не просто обойтись. Извиняясь, звеньевой попросил Толстикова помочь ему кое в чём. Журналист не возражал, и чем добросовестнее он выполнял просьбы механизатора, тем веселее спорились у того дела. Ярошук ещё больше подобрел, стал мягче в обращении с незнакомцем, шутил. Совместное сотрудничество незаметно сблизило их. Звеньевой принес клок вафельного полотенца и подал помощнику.

— Вытирайся, друг... весь в мылуке. Вот як бывае: и тебе досталось на орехи! Вроде и не знаю, откуда ты такой в наших местах, — говорил растроганно, — а як родной, не чужой... — Ласково прищурился: — Кого-то повидать приехал? Или к зятю, дочке...

— Не угадаешь, Егорыч. После скажу... А вернее, сам узнаешь и про меня, и про себя.

— Да, времени в обрез, не до разговоров сейчас. Спасибо, выручил! Хорошо подсоблял! Вдох бы и косить.

Ярошук потискал сухонькую, в веснушках, руку корреспондента. И поспешно к кабине, направил жатку в хлеба. Мотовило крутилось всё быстрее, точно наматывало время, отпущенное на уборку. Срезанные стебли послушно ложились в валки, на них садились вороны, хватавшие зелёных кузнечиков.

ПОЭЗИЯ

Николай
ИВЕНШЕВ

БАЛЛАДА О САПОГАХ

Облака, как портянки рваны.
Август. Холодно. Даже в вате.
Что-то тискает сердце Ивана,
Так ощупывают взрыватель.
Этим утром он уже ползал
На расшатанное горище.
Нет сапог. Проморгал. Поздно.
Лишь व्यюнок из застрехи свищет.
Притулился к корыту велик
И скрипучая табуретка.
Нет сапог, а Иван не верит.
Может, тут – под сухой веткой.
Сапоги получил в Берлине
Лет без малого шестьдесят:
В блеске, скрипе и гуталине,
Как для маршала, не для солдат.
Строго ус ушипнул начальник:
«Это бяка, не хром, а храм!
Отчекань на брусчатке вначале,
И по бабам, и по домам.
На параде он в них процокал,
Как ретивый, во весь упор.
Даже Сталин ему, Сороке,
Козырнул, как простой сапёр.
По домам «котлы», «крепзаржеты»,
Гобелены, ночнушки прут.
А он вывалил чудо это,
Только вот голенища жмут.
Цел Сорока. В кости – силища.
Сено косит и водку пьёт.
Сапоги с тесьмой – на горище,
Знает весь станичный народ.
Вспоминает на сенокосе
Двух цыганок ленивый суд:
Ты, Иван, сапоги не сносишь.
Они сами тебя снесут!
Август. Груши мельчают, вроде,
Паутина влипла в окно.
А друзья, как и есть, уходят,
По отдельности. За гумно.
Но загвоздка, не пальцы, а спица,
Уже вяжет бикфордов шнур.
И к Сороке другая птица
Прилетает на перекур.
На окне караули чертит.
Ему черти уже не черти.
Видит скользкую мелюзгу
В сандалетах на босу ногу.

И ступают из этой лузги
И. В. Сталина сапоги.
Медью выбито: «Вышли сроки.
За гумно. Для И. И. Сороки».
Ах, цыганочки Азы, врете!
Жгучий глаз, но не кругло в роте.
Но на то ведь солдат-сапер,
Покрутил у виска, допёр.
И вприсядку, ползком – на чердак:
«Это – смертушка, мать твою так!»
И когда до трубы дошаркал,
Вытер зенки: такой парад!

Сапоги его на трех шариках,
На воздушных с тесьмой висят.
Рядом – внук. Приехал из города.
Его самые – нюхай, три.
А внучок – в луженое горло:
«Це ж – победные прохари!»
«Чуешь, деда, какой сюрприз!
Тут – находка, а ты раскис!»

И отправились: дед, внук, сын.
Покупать для сапог гуталин.
А в ларьке – бутылек да маленькую.
За Победу!
За Жизнь!
За Марьянку!

Сапоги блещут под подковою,
Жеребцы. И почти что новые!

ЛЕЙТЕНАНТ НАРИЖНЯК

Наждак он теперь лейтенант Нарижняк,
Он едет туда, где над пулей смеются.
И шпалы грохочут. И так, и растак.
И дзенькает чайная чашка о блюдец.
А был он Нежняк, а теперь Наружняк,
Теперь вот окопы да мутные лица.
То встань, то беги, то пригнись, то приляг.
К войне не прибиться и не прислониться.
Шекспир невпопад. На войне веселей,
Когда отрывается сердце у дзота,
Когда отступает от дымных полей
Владычица боя хмельная пехота.
И думал вот так лейтенант Нарижняк:
«Не может ведь Фауст храниться в патроне.
Он где-нибудь там притаился, «кулак»,
В немецком с бархоткою патефоне.
А враг, как свояк, он не любит бардак,
Он мертвый и то зажимает, как статуи
Чужой с одноглазой орлицей пятак,
С готической крепко прокаленной датой.
Пробита шинель. И потерял Шекспир,
Но вот он, Берлин, вот он, Рейх – головешка.
И шнапс не берет. Не водяра – кефир.
Дошла до Победы худая гармошка.
А Фауст? Дывись, лейтенант Нарижняк,
Дывись на капрон, на чулочки, на фразу.
Всего десять марок, а хочешь – за так.
Зачем тебе дурень занюханный Фауст?!
Но Фауста нет. Он исчез. Он иссяк.
Затискана вусмерть его Маргарита.
Нежняк и наждак лейтенант Нарижняк
Задумчив, печален, как вся его свита.
Он едет домой, лейтенант Нарижняк.
Ему еще надо для счастья детишек.
Он едет в холодный, дремучий барак
Уснуть за горой непрочитанных книжек.
Он все-таки их зачитает до дыр,
До звона в ушах, до дрожания века,
Пехотного взвода крутой командир
По первой профессии библиотечарь.

НОВЫЕ РАНЫ

Газета та затерта и засалена,
Залапана, зачитана до дыр.
Два ветерана тихо пьют за Сталина.
Начистив сапоги, надев мундир.
Укромно пьют, пробравшись огородами.
В глазах у них то радость, то печаль.
Бездетные, и Родина распродана.
Но мне вот их ничуточки не жаль.
Сквозь нынешнее, импортное крошево,
Я вижу их другое естество,
В войне той много было и хорошего:
«Один за всех, и все за одного».
Они любили так, как нам не любит,ся,
Сражались всласть и целовались всласть.
Вот Ваня вспомнил тот состав «на Люберцах»,
А Саша хоть «всуреяз прижмет», но власть.
И не было в стране такого холода,
Когда подуешь, и пристал язык.
Звенят медали на мундирах молодо,
Мундир, конечно, им давно велик.
Два мушкетера пьют совсем не горькую,
За Сталина, Победу, за Салют!
Но по ночам их тонкими иголками
Совсем другие раны достают.

Любовь
МИРОШНИКОВА

* * *

Хмуро небо смотрится в осколки
Рыжеватых придорожных луж.
Воют ветры в поле, будто волки,
Чуя кровь саднящих наших душ.
Я стою, предчувствием объята:
Всё, как прежде, только я не та –
Не ишу ни славы я, ни злата,
А ишу воскресшего Христа!
С верой уповаю на спасенье,
Жив во мне крещеных предков дух!
С ним смогу, пройдя все потрясения,
Битая, небитых стоить двух.
Где лучи ласкают золотые
Благотатной вечности сады,
Предстоят пред Господом святые,
Уводя Россию от беды.

* * *

Тороплив и недолог наш век.
Стрелок бег не унять на часах.
Облака, словно души исчезающих рек,
Безмятежно парят в небесах.
Не остыть перепелю судьбы:
Тот жил, тлея, а этот – горя.
Но все также луны жнёт безжалостный серп
Дни, что прожиты нами не зря.
Осыпается в утренней мгле
Виноградная звездная гроздь.
И, как твердо бы ты ни стоял на земле,
Ты всего лишь ее званный гость.
Храмы вновь из руин поднялись,
Мир собой осеняя окрест.
Купола, как сердца, устремленные ввысь,
Что смиренно несут Божий крест.

* * *

Мы, певцы иллюзорных пространств.
Непохожих, роднит нас одно:
Нам не надо богатых убранств,
Нам подай вдохновенья вино!
Мы на землю пришли воевать,
Силой слова пронзая броню.
Мы на землю пришли ликовать –
Оды петь восходящему дню.
Но лишь тот из поэтов пророк,
Кто не ищет из лавров венца,
Кто, в себе истребляя порок,
Воплощает задумки Творца.
Из его громогласной строки
Обличительный рвется огонь.
Всем нападкам врагов вопреки,
Не бежит он от лютых погонь,
Но открыто он смотрит в глаза,
В души, запертые на засов.
Он пришел. Ему есть что сказать.
Он посланник. Он воин Христов.

ИНАЯ

По сугробам босая, нагая,
Я пройду, не оставив следа –

Та же самая, только другая,
Та – какую я буду всегда.
Не взовьёт мои локоны ветер
И в глаза не швырнет мне песком.
Будет Ангел мой радостно-светел
Петь псалмы мне родным голосом.
И Его я увижу впервые,
Мое сердце замрет от стыда:
В ранах – белые крылья живые!
– Это я их изранила?!
– Да.
Разве хватит мне слез, окаянной,
Чтоб омыть эту вечную боль?
Твоей милостью осиянной
Быть с Тобою, Господь, мне позволь!

ВЕЧНОЕ СЧАСТЬЕ

Никуда в этой жизни не деться
От скорбей, от потерь и теснот.
Только боголюбивое сердце
В тихой радости в мире живет.
Эта радость общения с Богом:
Умиленье, сладость, восторг...
Путь верша в воздержании строгом,
Тот, кто с Господом – не одинок!
Что подвижнику слава и злато –
Все сокровища мира сего?!
Если сердце любовью богато,
Если жаждет оно одного:
Терпеливо сносить все напасти,
Не сгибаясь под ношей креста,
Чтоб найти свое вечное счастье
У Престола Иисуса Христа!

НЕБЕСНЫЙ ХЛЕБ

Нелегко брести в земной юдоли
И нести свой Богом данный крест,
И сносить печали, скорби, боли,
Покоряясь могуществу небес.
Пустоту ища в потемках мира,
Мечется незрячая душа.
Помоги, божественная лира,
Светом горним тлен вокруг круша,
Ей прозреть, преодолеть соблазны,
Чистой быть, пройдя земной вертеп,
Потрудиться, путь пройдя несправданный,
Чтоб с Христом делить небесный хлеб!

ГОСТЬЯ

С кроткой и улыбочивой душой
В этот мир пришла ты не чужой:
Встретили тебя родные лица,
Было о тебе кому молиться.
И когда неопытная мать
Робко плененала твоё тельце,
Знала ли, что будет обнимать
В первенце, беспомощном младенце,
Пращуров, что вечность обрели
И еще не ведомых потомков;
И что тайна неба и земли
Будет в люльке спать, пеленки скомкав?!
Был нетвердым первый твой шаг
В созданное Богом мироздание.
Ощущая то восторг, то шок,
Ты, Творца любимое создание,
В Горнее Отечество бредешь
Посреди невиданных чудовищ.
Имя им – Коварство, Зло и Ложь.
И для них ценнее всех сокровищ
Богородицкая душа,
Путь которой пролегает в Вечность.
Чуть поддашься – вмиг тебя лишат
Благодати за твою беспечность.
Гостья, не хозяйка ты в миру.
Коль жива – с тобою Божья милость.
От скорбей, напастей утомилась?
Плачешь? Тебе больно? –
Все к добру.
На тебя Господь прольет любовь,
Обратив любое зло в отраду.
Только ты Ему не прекословь,
Не ропщи, а выстрадай награду.
Крылья наготове у души,
И, едва прикажет ей Спаситель,
Бросит все земные миражи
И умчит в заветную обитель.

ДЕБЮТ

«Что бывшие в жизни несчастья все были придуманы мной»

Наверное, в жизни каждого наступает момент, когда стоит покаяться. Обычно это приходит с болезнями и бедами, Бог намекает, что ты о нем забыл. Не понимая этих прозрачных намеков, кто-то спивается, кто-то бежит по гадалкам, целителям, врачам. А надо лишь раскаяться в грехах вольных и невольных, причаститься.

Имею ли я право назвать себя верующей? Знаете, когда проезжая или проходя мимо церкви, у меня возникает желание перекреститься, я его подавляю, мотивируя это тем, что люди назовут меня религиозным фанатиком. Получается, что я стыжусь Господа, грешу, как маловерная. А самое страшное – когда человек погряз в грехах, но думает: «Господи, за что мне все эти беды и лишения, я же хороший, никому зла не желал». Хороший человек, хорошим себя не назовет, так же, как и умный не назовет себя умным. Ведь это поддерживает на плаву твое тщеславие, гордыню. Вот тебе и грехи. Получите-распишитесь. Что же нас, наконец, заставит задуматься о Боге, об истинных ценностях русской жизни?

Я открыла для себя автора. Ведь буквально каждое стихотворение Николая Зиновьева пропитано любовью к Господу, к людям, к миру, искренними переживаниями за свой народ, за свою страну. Когда ты находишься в церкви, ты понимаешь, что люди искренне раскаиваются. У кого-то слезы на глазах, кто-то не поднимается с колен перед Господом. Вот в церковь заходит Зиновьевская героиня. В стихотворении, которая «садилась в Мерседес, и её литые ягодицы за нить подергивал бес». Как я её узнала? Да очень просто. Мини-юбка, больше напоминающая широкий пояс, декольте, туфельки на шпильках, цок-цок – идеальный наряд для того, чтобы покаяться. Правда? Хотя кто я такая, чтобы судить. Вот ещё один персонаж того же стихотворения, старик, который вполне мог спать на остановке. Седой, с длинной бородой, в небрежной одежде, он молится, не вставая с колен. Он не стыдится Господа, его не пугает холодный пол. Ещё тут есть тот самый блаженный: «Смотрит ясно, ходит боком, Через грудь – ремень сумы. Да, он тронутый. Но Богом, А кем

тронуты все мы?» А мы тронуты грехами и бесами. Раскаиваюсь до слез, всю неоднократно перетрясло, когда батюшка говорил: «Прости, Господи». Господь-то простит, а я сдержу себя несколько дней, а потом опять начну неоправданно раздражаться, грубить, злиться, мысленно кого-то убивать. Строки Зиновьевские приходят на ум:

*«И к тайне творенья причастный,
Я плачу от мысли одной,
Что бывшие в жизни несчастья
Все были придуманы мной».*

А отдельное чудо в церкви – это дети. Как радостно они ставят свечи. Восторг в глазах. А чтобы ребенок мог поцеловать икону мамы или папы его подсаживают на руки. Одна девочка, лет пяти, пела тоненьким голосом: «Слава Тебе Боже». Трогательно, как в стихотворении РЕБЕНОК:

*«Я завидую этому крохе, –
Моя зависть, как солнце, бела.
Прямо в пыль посредине дороги
Он уселся в чем мать родила».*

*Он в пыли беззаботно счастливый,
До чего ж хорошо одному.
Ах, мое беспорточное диво!..
Дай же, Господи, мира ему».*

Причастие. Все прихожане вкушают из одной ложки. Мы все равны перед Богом. Я люблю всех этих незнакомых мне людей. Кто-то берет просфору и набирает святую воду кто-то просто выходит из храма, перекрестившись.

Легко, как камень с души.

Мне надо уехать в станицу. Сажу в автобусе. По дороге считаю храмы, крещусь перед каждым. Мне не стыдно. Я с Богом, а в голове снова стих Николая Зиновьева:

*«Не понимаю, что творится.
Во имя благодатных идей
Ложь торжествует, блуд ярится...
Махнуть рукой, как говорится?
Но как же мне потом креститься
Рукой, махнувшей на людей?...»*

Элеонора Добрынина,
КубГУ, журфак, 3 курс

ПОЭЗИЯ

Редакция газеты «Кубанский писатель» сердечно поздравляет Ольгу Александровну Суворову, ветерана Великой Отечественной войны, с юбилеем! Здоровья, долголетия, всего самого-самого доброго!

Ольга Суворова

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Цветы... Цветы... Они горою
Лежат у Вечного огня.
От плит повеяло войною,
А это – молодость моя.

Наш путь к Победе не был близким,
Трудна, безжалостна война.
Хранят, как память, обелиски
Знакомых наших имена.

Их было много, жизнь отдавших
За мир, за Родину свою.
За жизнь людей, войны не знавших,
За то, что я вот здесь стою.

Зачем высвечивать софитом
Надгробья каменный венец.
Пылают ярко над гранитом
Огонь из пламенных сердец.

Разведчики – моя любовь.
Друзей надежней нет.
Уходят в ночь без лишних слов
Увидят ли рассвет?
На плащ-палатке в медсанбат –
Дорога не легка.
В руке железный крест зажат
С фашиста-«языка».
Осколки в тазике звенят.
«Ах, будет ли он жить?»
А он шепнул, позвав меня:
«Сестра, давай дружить».
Уж со стола на койку снят,
Всё сделали врачи.
Но поздно, тает тусклый взгляд,
Что светлячок в ночи.

Как обгоревшая шинель
Любовь военных лет.
И объясниться не успел,
А парня уже нет.
Разведчик этот иногда
Приходит в мои сны.
Ведь я осталась навсегда
В плену у той войны.

Н. Василининой

К стихам не стало интереса –
Забылось это ремесло.
Но приходила поэтесса –
Свое оставила стило.
С него как будто бы флюиды
Незримо на меня лились;
И рифмы, что в душе теснились,
Вдруг на бумагу улеглись.
И будто ворвалось свеченье
В постылый мир житейских дел!
То было свыше повеленье –
Ко мне мой ангел прилетел!
И вновь ищу слова и строчки,
Страдаю ночью и не сплю.
Зачем мне эти заморочки?
Судьба...
Поэзию люблю.

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Треугольнички писем
Со следами цензуры...
Только чудом каким-то
Удалось их сберечь.
Нынче выдался вечер
По-осеннему хмурый.
Может, письма порвать
Или сжечь?
Как такое свершить?
Не поднимутся руки.
Сердце шепчет: «Не надо,
Связи с прошлым не рви».
В них дыхание жизни,
Боль и горечь разлуки.
И святыне слова о любви.
Только время диктует –
Пусть останется пепел,
Помолюсь за тебя я,
Зажигаю свечу.
В письмах образ твой так
Притягательно светел,
Сохранить его в сердце хочу.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Опять молодежь собралась на полянке,
Играет гармонь, и вдруг вспомнились мне
Последние строчки из песни «В землянке»
В твоём пожелтевшем последнем письме.
Открою я настёжку для песни окошко,
Достану письмо, сердцу станет теплей,
Пускай и со мной погрузит та гармошка
О юности нашей – моей и твоей.
Убит под Москвой, злая пуля достала.
Упал ты на снег, в ледяную постель.
И снегом, как шубой, тебя укрывала.
Рыдая и воя, шальная метель.
Но, как корабли, что на вечной стоянке,
Как звезды, что вечно мерцают во тьме,
Так память хранит те слова из «Землянки»,
Они уже стерлись в последнем письме.
Никто не забыт, знаю я: в Подмоскovie
Стоит в перелеске и твой обелиск.
Там летом цветы у солдат в изголовье,
Зимой – снежок ослепительно чист.

Солодка М. Б.

ВЕСЕННИЙ ЭТЮД

Куст безымянный – ветки нараспашку –
Оделся в ярко-жёлтую рубашку!
Среди древесных серых «одеяний»
Он светится, весною осиянен,
Ликует под весёлым птичий гомон,
Надежды на грядущий праздник полон!
И правда – не исполнилось недели,
Как все деревья враз зазеленели!
Смешенье чувств, сиреней набуханье,
Томление сердца – словно обещанье
Какого-то неведомого счастья...
И ты живёшь, весны признав всевласть!

Не жарко и не холодно –
Февральский вечер
Станицы птиц с полей
Отрадно...
светел в небесах.
летят обратно –

К своим гнездовьям
в рощах и лесах.

Они летят,
Большие крылья
И чёрных птиц
Мистическое чувство вызывает.

Не слышно звуков –
И ни к земле, ни к небу
Быть может, потому они молчат,
Что нечто нам неведомое –

А человек, прикованный к земле,
Всем смыслом своего предназначенья,
Лишь иногда
Усталый взор,
с надеждой и сомненьем...

Не гаснут вечные огни
Добра, любви и вдохновенья!
И в сумерках судьбы они –
Надежда наша на спасенье.

Нет в злобе истин!
Никогда
Она не приведёт к прозренью.
Нам чистота души нужна
И дерзкой мысли
усмиренье...

В чаду запальчивого гнева,
Игрушкой сделавшись страстей,
Легко с чужого перепева
Увлечёшься песней не своей.

И не уйти от горькой доли
Пловца, попавшего в волну,
И оказаться поневоле
У заблуждения в плену.

Бог времени когда-то взвесит
Все прегрешения твои,
Но груз ошибок перевесит
Лишь чаша, полная любви.

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

П/И № ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 21320897906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка

и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350061

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

<http://sites.google.com/site/sprosia>

и <http://sprosia.narod.ru>

и Краснодарской краевой универсальной

научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Флер-1»

г. Краснодар,

ул. Уральская, 98/2

8(861) 274-10-74

Заказ № 1960

Подписано в печать

16.04.2014 г.

по графику в 10.00,

фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров

Цена свободная